

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЖЕНЩИНЫ В НАСЛЕДСТВЕННОМ
ПРАВЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XVII – XIX ВВ.**

**Рашидханова А.А., преподаватель,
Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России)**

***Аннотация:** в статье раскрываются особенности правового статуса женщины в наследственном праве народов Дагестана в XVII-XIX вв. Длительный период времени правоотношения в Дагестане регулировались с помощью адата и шариата. Согласно нормам адата права женщин на наследственное имущество были значительно ограничены. Все недвижимое имущество передавалось по мужской линии в роду. Отцы, не имеющие сыновей, пытались с помощью «назру» изменить существующий порядок передачи наследства. Женщина рассматривалась как собственность мужа или его рода, – подтверждение тому левиратные браки, в которых вдова должна была выйти замуж за одного из братьев умершего мужа. В правах наследования недвижимого имущества только номы шариата включили женщину в группу наследников. Однако ее доля была меньше доли мужчин.*

***Ключевые слова:** женщина, социально-правовое положение, левират, аменгерство, брак, наследование, обычное право, адат, шариат*

**FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF WOMEN IN THE INHERITANCE LAW
OF THE PEOPLES OF DAGESTAN IN THE XVII-XIX CENTURIES**

**Rashidkhanova A.A., Lecturer,
North Caucasus Institute,
Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)**

***Abstract:** the article reveals the features of the legal status of women in the inheritance law of the peoples of Dagestan in the XVII-XIX centuries. For a long period of time, legal relations in Dagestan were regulated with the help of Adat and Sharia. According to Adat norms, women's rights to inheritance property were significantly limited. All real estate was transferred along the male line in the family. Fathers who did not have sons tried with the help of “nazra” to change the existing order of inheritance transfer. A woman was considered as the property of her husband or his family, – confirmation of this is levirous marriages in which the widow was to marry one of the brothers of the deceased husband. In the inheritance rights of immovable property, only Sharia norms included a woman in the group of heirs. However, her share was less than the share of men.*

***Keywords:** woman, social and legal situation, the levirate, amengerst, marriage, inheritance, customary law, Adat, Sharia*

Институт наследования является одним из самых древнейших институтов гражданского права. Как пишет И.В. Панцхва, потребность в регулировании наследственных правоотношений возникает «...после появления накопленных материальных благ у одного человека, представляющих более или менее значимую ценность. Конечно, и в тот период от отца к сыну переходили орудия охоты и рыбной ловли; во владении и пользовании рода и племени, а впоследствии – семьи оставались средства поддержания домашнего очага, шкуры диких животных, запасы топлива и продовольствия, украшения, знаки принадлежности к роду (племени), кроме тех, которые подлежали захоронению вместе с умершим...» [16].

В сущности, зарождение и развитие института наследования рука об руку идет с имущественным и социальным расслоением общества, утверждением частной собственности на средства производства, появлением особых институтов, призванных оградить существующий порядок, который устраивает тех, в чьих руках находятся рычаги власти, от возможных посягательств. Во все времена наследственная масса переходила во владение, пользование и распоряжение ближайшим родственникам. Сохранение имущественных благ внутри одной социальной ячейки общества считалось наиболее предпочтительным, нежели его дробление между дальними родственниками.

Безусловно, на начальном этапе формирования государства и права, наследственные и другие общественные отношения не могли регулироваться правовыми нормами, они регулировались нормами морали, обычаев и традиций. Они формировались в обществе на протяжении длительного периода жизни и их соблюдение обеспечивалось неформальными санкциями, такими как общественное мнение, авторитет старших и более влиятельных в роду.

До вступления Дагестана в состав Российской империи все социально-правовые отношения регулировались нормами адата и шариата. Адат – это совокупность норм обычного права, регулирующих различные сферы жизни горцев. Адаты, как социальные нормы, регулирующие жизнь горцев возникли задолго до распространения ислама на территории Северного Кавказа и настолько крепко упрочнились, что их влияние прослеживается и в современной жизни народов северо-кавказского региона: чеченцев, ингушей, адыгов, дагестанцев и т.д. Помимо адата на территории Дагестана основным регулятором общественных отношений был шариат (свод религиозных правил, основанных на Коране), который стал альтернативой адату после исламизации Дагестана. Корреляция адата и шариата прослеживалась на протяжении длительного периода истории Дагестана. Так, по шариату решались все дела, касающиеся религии, брака, семьи, опеки, наследства. Но, несмотря на упорное стремление духовенства, шариату не удалось вытеснить существующие в Дагестане адаты и, поэтому шариат мягко адаптировался к адатам. К примеру, «...что наследственные дела разрешаются в соответствии с нормами шариата, если только на эти случаи не установлены особые адаты» [3].

Нормы адата действовали на территории Дагестана длительный промежуток времени, возможно, потому, что адат не навязывался искусственно извне, а создавался веками самим населением с учетом его этнических особенностей, был проявлением потребностей общества в определенный промежуток времени.

Обычное право Дагестана имело как общие нормы для всего региона, так и отдельные адаты, регулирующие отношения в каждом селе, что создавало определенные проблемы в разрешении правовых споров.

Даже после присоединения Дагестана, правительство Российской Империи в некоторых случаях не исключало применение адата и шариата, во всяком случае, допускало участие в судебном процессе кадия. Если судопроизводство по уголовным делам осуществлялось при помощи адата, то гражданские и семейные споры целиком и полностью опирались на шариатские нормы.

Важными историческими документами, отражающие жизнь горцев согласно нормам обычного права являются свод адатов Умму-хана Аварского, Рустем-Хана уцмия Кайтага, Гидатлинские адаты, свод заповедных правил Кайтаго-Дарго и др.

Вопрос о правовом статусе женщины в Дагестане не раз был объектом для изучения как учеными – правоведами, так и историками. В различные исторические эпохи и в разных культурах отношение к женщине было неоднозначным. Изменение ее социально-правового статуса и повышение ее роли в общественной жизни на протяжении длительного исторического периода делают проблему изучения ее статуса наиболее актуальной. Многие исследователи делают акцент на бесправном положении женщины на Северном Кавказе. Правовой статус женщин напрямую был связан с патриархальным укладом семьи и утверждением мужчины как домовладельца, и как следствие, права мужчины и женщины согласно нормам адата не были паритетными. Вступая в брак, женщина попадала в зависимость от мужа, который определял её место жительства, являлся хозяином дома и главой семьи.

Если говорить о регулировании гражданско-правовых отношений, а именно наследственного права, то адаты, касающиеся наследования, были сходными у всех северо-кавказских этносов. Наследование у них осуществлялось по мужской линии, женщины никакого права на него не имели. Имущество переходило от отца к сыну, а при отсутствии сыновей – к родным братьям покойного. Если не было родных братьев, то к родным племянникам, а при их отсутствии – к двоюродным братьям или их сыновьям. Дочери могли наследовать только в случае отсутствия всех названных родственников. Жена вообще никакого права на наследство не имела, после смерти мужа она могла лишь получить то, что ей было назначено еще при его жизни.

Целиком все наследственное имущество могло быть унаследовано только сыновьями, всем остальным категориям наследников принадлежала только обязательная доля в наследстве. При наличии дочерей у умершего наследодателя, он получали две трети наследственной массы, остальное переходило к асабитам, при их отсутствии имущество признавалось выморочным.

Напомним, что в мусульманском обществе женщины реже, чем мужчины заняты производительным трудом и общественной деятельностью, поэтому наследственным правом определяется экономическое и общественное положение женщины-вдовы. Одним лишь фактом мусульманского наследственного права уже подтверждается это положение: в случае смерти жены, если она не оставила после себя детей, половину ее имущества получает муж, если же у нее были дети от этого или другого мужа, он все равно получает 1/4 часть ее имущества.

В целом, рассматривая имущественные права женщины и ее реальное имущественное положение в традиционном дагестанском обществе, можно прийти к выводу о том, что женщина в Дагестане вполне могла рассчитывать на свою собственность как на обеспечение при разводе или смерти супруга. Она могла рас-

поряжаться ею по своему усмотрению – подарить кому-нибудь завещание относительно дальнейшего ее использования. Обладание собственным имуществом делало женщину независимой и значимой в глазах окружающих.

Большое место в шариате занимают вопросы наследования по завещанию (васийат), в которых отражено становление и развитие мусульманских институтов, еще вынужденных на ранней стадии соответствовать общинным и личным требованиям мусульман, но уже несущих в себе предпосылки материального и духовного господства.

В отличие от европейской и российской правовой традиции нормы шариата не требовали наступления полного совершеннолетия, но главным условием было наличие отдельного от отца имущества. Невозможно составление завещания под принуждением и в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Учитывая, что васият – это добровольное пожертвование, обязательным условием является наличие согласия завещателя на переход имущества после смерти в собственность третьим лицам.

Свобода завещателя по мусульманскому праву была ограничена 1/3 частью его имущества, составляющим его собственность на момент смерти. Все остальное состояние передавалось законным наследникам. Думается, что эта норма шариата призвана обеспечить благосостояние семьи, которая лишилась кормильца. Лицо, являющееся наследником по завещанию, одновременно не могло быть наследником по закону. Завещание могло быть составлено как мужчиной, так и женщиной.

Рождение в семье только дочерей приводило к тому, что все имущество передавалось по мужской линии (двоюродным братьям, дядям и т.д.). Желая каким-то образом обеспечить будущее дочери и позаботиться о своем имуществе, отцы, не имеющие сыновей, при жизни совершали «назр», одаряя дочь частью своего имущества. В исламе назр – это обет, обещание, данное с богоугодной целью. То есть в случае, если человек дает сам себе обязательство, обещает Аллаху, сделать что-либо, то это становится его долгом. При передаче имущества по назру (обету), оно поступало к дочери в собственность, и отец не имел уже никакого права нарушить единожды произнесенный обет. Обряд совершения назру заключался в простом произнесении перед свидетелями или кадием нескольких слов о намерении передать имущество в собственность дочери.

В 1848 г. житель Казикумухской плоскости С. Кандауров в своем назру писал: «Я, Сатав Кандауров, отдал под словом назру имение свое... лавки, дома, оружие свое, лошадь, землю и прочее двум дочерям своим Нукай и Бакуш и всем тем, которые впредь от меня родятся, устранив от одного братьев моих. Если же кто из последних объявит на это имение претензию, то она должна считаться ничтожною и не приниматься ни в коем суде» [6, с. 129]. Акт был оформлен кадием при свидетелях и утвержден начальником Терской обл. Но после смерти Сатава Кандаурова его родной брат Гебек Кандауров опротестовал этот акт и завладел лавками брата. В 1864 г. по этому случаю окружной суд разбирал жалобу вдовы Сатава и утвердил права дочерей завещателя на его имущество.

Другим не менее интересным актом дарения можно считать документ следующего содержания: «Магомед Къади, сын Кудясул Гаджи делает завещание (назру) после исполнения дарения (васийат), что останется после дарения из моего имения, все переходит моим двум дочерям Гугъарше и Патимат в равных долях. И говорю так: если я заболелю болезнью смерти, за день до этой моей болезни я делаю назру следующего

имущества обеим моим дочерям. Один дом в квартале Карш состоит из двух комнат, трех хлебов, одного сеновала, веранды и двора по соседству с домом *Сарат* дочери Могомы и дочери Къади *ГугъарИша*. Поле в местности КИазиниб площадью для посева одного саха (около 3,5 кг), на востоке – *Патимат*, дочь Нурмагомеда, на западе – *Чакар*, дочь Могомы. Впереди – *Сарат*, дочь Исмаила Ханансуласул. Другое поле в местности НаштIаб, площадь посева один сах кукурузы, на востоке – *Парида*, дочь Гъази, на западе – *Глашат*, дочь Мирзы Пусмана...». Далее продолжается перечисление пахотных и сенокосных участков с указанием их величины, границ, владельцев граничащих участков. Завершается документ следующим: «В пятничный день в Джума все названия этих мульков были объявлены, а также уточнено количество семян, засеваемое в этих мульках, были уточнены границы, но не обнаружился никто из собравшихся, кто оспаривал бы это. ШШабан 1310 г. хиджры» [1, с. 110].

В этом документе поражает, прежде всего, обилие женских имен среди владельцев земельных участков. Женщина, получившая участок в качестве наследственной доли, дара или кебинного обеспечения, становилась его владелицей, закрепляла за ним свое имя. Все это свидетельствовало о том, что женщина как собственник недвижимости в Нагорном Дагестане реально конкурировала с мужчинами. В этом можно увидеть то особенное положение женщины, которое она занимала в горах Дагестана – и в связи с ее исключительной важной ролью в сельскохозяйственном производстве, и в связи с ее статусом в семье. Здесь, как отмечает М.А. Агларов, «мусульманское право наследования наложило на исторически сложившиеся домусульманские традиции» [1, с. 111].

Однако при отсутствии назру, недвижимое имущество переходило только по мужской линии. Один из адатов гласил: «Если после смерти бека шамхальской крови останутся одни дочери, то они получают из оставшегося движимого имущества только вещи, необходимые приличной женщине, все прочее недвижимое имущество переходит в наследство ближайшим родственникам умершего в мужском колене, которые обязаны при выдаче их замуж дать им приличное приданое и как до замужества, так и в случае смерти мужа или развода заботиться о надлежащем содержании их. Дочери же после сего не имеют права требовать от родственников части из оставшегося по смерти отца их недвижимого имущества» [18].

Имущество мужа и жены не являлось их совместной собственностью. Однако, несмотря на это, право собственности супруги было ограничено. «Жена не имеет права, – можно прочесть в адатах Ункратлыт-Чамалальского наибства Андийского округа, – взять свое имущество от мужа, и предать другому, а также завещать или дарить, кроме как своим детям. Муж должен следить за имуществом жены, как за своим. Спор жены о растрате мужем имущества не принимается, если не заявит тотчас» [3].

Согласно адатам кумыков женщине «назначается по миролюбивой сделке (маслагату) часть из оставшегося движимого имущества, т.е. крестьян, вещей, денег, скота»[3]. Основной собственностью женщины являлось ее приданное, подаренное ей при замужестве. Матери и незамужние женщины попадали под власть отца или одного из братьев, которые заботились об их материальном положении.

Помимо адата в жизни горцев важную роль играл шариат. Однако, он не сразу был принят горцами и мягко адаптировался к адату. Более того, арабские племена, завоевавшие Дагестан, внедряя ислам, решили не изменять привычный для горцев образ жизни и объединили в правовой системе как адат, так и шариат.

Таким образом, после распространения ислама семейное, наследственное и часть гражданского права разрешалось по шариату. Уголовное право регулировалось адатом.

Шариат расширил права женщин, включив ее в состав наследников и предоставив ей возможность получения 1/3 от доли, полученной братьями при разделе наследства.

В «Соглашении жителей Томуральской волости касательно установления шариата в сфере наследственного права» записано, что при определении доли наследства между представителями мужского и женского пола необходимо руководствоваться нормами шариата, а не принятыми в данном обществе адатными нормами. Делить наследство необходимо было справедливо по отношению к каждому, не ущемляя никого и не лишая представительниц женского пола того, что «сам Аллах предназначил им в тексте своей благородной Книги...» [8].

Однако адатные нормы, закрепившие за женщиной право собственности только на приданное, стали основанием для обогащения недобросовестных братьев, которые не выделяли соответствующие доли из наследственной массы родителя, считая приданное шариатской долей наследства сестры.

Одной из архаичных форм сохранения имущества внутри рода у многих народов был институт левирата. Левират (от лат. levir – деверь, брат мужа) был широко распространен в древности у ряда народов: у древних евреев, индусов, народов Дагестана, туркмен, казахов, таджиков и других. Этот обычай сохранился до середины XX века у многих кавказских народов. Согласно этому обычаю вдова должна была или имела право выйти замуж за брата своего умершего мужа. О существовании института левирата упомянул сам пророк Мухаммед: «Когда мужчина умирал, его наследники брали в жены женщину своего родственника и могли не отпускать ее. Родственники мужа имели больше прав над ней, чем ее родственники» [9].

Формальное закрепление этого обычая было отмечено в Законах Ману. В случае смерти бездетного мужа жена должна была сблизиться с деверем для продолжения рода. «При опасности прекращения рода женщиной, надлежаще уполномоченной, должно быть приобретено желанное потомство или от деверя, или от другого какого-либо сапинды мужа» [7]. Этот обычай, называемый нийога (поручение), упоминается во многих источниках. Суть его заключалась только в продолжении рода, рождении одного или двух сыновей, а не заключение брака с братом мужа.

Согласно нормам обычного права на Северном Кавказе женщина, вступившая брак была собственностью не только своего мужа, но и всего рода. Причиной тому, предполагается, был выкуп невесты (калым), который был оплачен родителям новобрачной. Поэтому в науке высказано мнение, что женщина как часть наследства могла перейти от одного мужчины в роду к другому [14]. Необходимость уплаты калыма порой являлось серьезным препятствием и непосильной ношей для вступления в брак. Нередки были случаи, когда по данной причине люди до преклонных лет не могли создать семью, что и приводило к похищению девушек и, как следствие, к кровной мести. «И никто не может прибыть к своей жене, пока не будет уплачен калым, на который согласился ее «опекун» [10].

Калым был своего рода платой родителям невесты за утрату рабочей единицы с выходом ее замуж и переходом в собственность мужа. Однако в науке высказано мнение, что калым – это собственность женщины при вступлении ее в брак. Так, Б. Далгат отмечал, «Плату калыма в последнее время можно назвать по-

купкой невесты в том же смысле, как в Европе отдача приданного есть покупка жениха; в том и другом случае (калым и приданное) деньги отдаются не родителям, а в собственность молодых брачующихся [8].

Размер калыма зависел от материального положения жениха, и именно желание сократить расходы на свадебные обряды было определяющим началом при заключении брака с вдовой умершего брата. Если же вдова отказывалась вступать в брак, то родственники должны были вернуть размер выплаченного ей калыма [5].

Имамом Шамилем законодательно был разрешен вопрос о размере калыма. Он был установлен в размере от 10 до 20 рублей, но эту сумму можно было изменять по соглашению сторон. В своих правовых установлениях Шамиль стремился способствовать легчайшему заключению брака и поэтому помимо калыма уменьшил и размер «кебингъакъ» (закрепленной за женщиной часть имущества). В селениях, где мужчины часто попадали в плен, и их количество было значительно меньше женщин, размер кебингъакъ был уменьшен от 25 копеек до 1 рубля [10].

Итак, стремление рода сохранить имущество, переданное невесте в качестве калыма, и являлось одной из причин заключения левиратных браков.

Учитывая, что одной из функций левирата была социальная функция, цель которой было сохранение целостности тухума и стремление не терять продолжение рода в лице оставшихся сирот, оберегая детей вдовы от необходимости обрывать родственные связи с родственниками отца. Племянники приобретали статус родных детей и прямых наследников.

Если у покойного оставались дети, то закон левирата выполнялся обязательно.

Несмотря на то, что институт левирата преследовал гуманистические цели, для женщин он тяжелой ношей. По обычаю женщина должна была выйти замуж за деверя, разница в возрасте с которым была внушительной. Выйти замуж за человека с другого рода она могла только после получения разрешения старшего брата мужа или старшего мужчины в роду.

Еще один институт, также имеющий прямое отношение к разделу и регулированию наследства – это опека. Сразу стоит уточнить, что женщина не могла выступать в роли опекуна. Раскрывая природу института опеки, отметим, что он вступал в силу в том случае, если наследники были малолетними. Управление имуществом передавалось ближайшему родственнику мужского пола с согласия кадия. Хотя у опекуна не возникало права на получение доходов от использования недвижимости, он не должен был отчитываться в своих расходах. При недобросовестном отношении и «... Если родственники заметят недобросовестные действия опекуна, растрату собственности или дурное обращение с питомцем, то могут жаловаться кадию, который разбирает дело, и если найдет опекуна виновным, сменяет его и принуждает дополнить из своего имущества растраченную долю собственности малолетнего...». Конечно, не исключена была возможность недобросовестного исполнения обязательств опекуном, что могло привести к растрате наследственного имущества, в таком случае он был обязан возместить из своего имущества растраченную долю собственности малолетнего.

При надлежащем отношении и при достижении 15 лет одним из наследников, опека кончается и опекун «...в присутствии кадия и родственников, сдает имение своему бывшему питомцу согласно той описи, по

костей сам его принимал; чего не достанет, обязан пополнить. Само собою, разумеется, что женщины не допускаются к опеке...» [15].

Если проводить аналогию правового статуса женщины в Дагестане и в других государственных образованиях, то, конечно, нормы обычного права значительно ограничили права наследниц, переложив, однако, все тяготы по содержанию женщин на мужчин.

Согласно «Русской Правде» – древнему источнику права, датированному X-XI вв., женщина имела право не только на свою собственность, оставленную ей мужем, но и на все имущество супруга, оставшееся после его смерти. Кроме прочего, при наличии несовершеннолетних детей, женщина была главой семьи и управляла имением супруга. При достижении совершеннолетия наследники имели право на долю в имении с выделом определенной части в доме на пожизненное владение матерью.

В древнем Риме, несмотря на патриархальный уклад семьи, женщина уже с I века н.э. имела право наследовать на равных вместе с сыновьями. Исключением считалось наличие завещания.

Таким образом, наследственные права женщины в период с XVII-XIX века значительно трансформировались. В вопросах получения наследства мужчины были в приоритете. Более широкий круг наследственных прав мужчины порождал и круг обязанностей. Патриархальный уклад семьи возлагал на женщину ответственность за воспитание наследников и ведение хозяйства, ограничив ее в правах наследования. После смерти родителей или мужа вся ответственность за материальное состояние женщины лежала на мужчинах рода, этим и было вызвано сокращение доли наследства для женщин, а также необходимость введения института левирата.

Мужчины, у которых не было сыновей, не желая передавать наследство двоюродным или троюродным родственникам мужского пола, совершали назру, определяя, таким образом, судьбу недвижимого имущества.

Номы шариата расширили наследственные права женщин. Женщины вступали в права наследования недвижимого имущества, могли составлять завещания, но не могли быть опекунами. Однако общинно-патриархальный уклад семьи требовал защиты недвижимого имущества от дробления. Этим и было обусловлено отсутствие полного нивелирования наследственных прав женщин и мужчин.

После вступления Дагестана в состав Российской империи еще длительный период действовали нормы шариата и адата. Система биюридизма, сложившаяся в тот период, при которой действовали нормы обычного права и законодательство Российской империи, была обусловлена многонациональным составом республики и бережным отношением горцев к своим обычаям и традициям.

Литература

1. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX вв. М., 1988.
2. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа / Под ред. И.Я. Сандрыгаило. Тифлис, 1899. С. 267.
3. Адаты шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв.: архивные материалы. М., 1965. 279 с.

4. Айтабаева Ж.С. Аменгерство-институт семейного права // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №1-3 С. 185 – 187.
5. Алексеева А.А. Традиционные формы заключения брака у эвенов Якутии // Природные ресурсы Арктики и Субарктики. 2006. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-formy-zaklyucheniya-braka-u-evenov-yakutii> (дата обращения: 04.11.2019)
6. Гаджиева С.Ш. Брак и свадебные обряды кумыков в XIX – нач. XX в. Москва: Наука, 1961.
7. Законы Ману. М., ЭКСМО-Пресс. 2002. 496 с.
8. Далгат Б.К. Обычное право и родовой строй Дагестана // РФ ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1 Д. 1534.
9. Ибн Касир. Толкование Великого Корана (на арабском языке). Хиван, 1983. Т. 1.
10. Исмаилов М.А. История государства и права Дагестана. Хрестоматия. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2017. Ч. I. 330 с.
11. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. С. 126.
12. Комаров А.В. Адааты и судопроизводство по ним. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2007. 276 с.
13. Ляшенко Е.Н. О формах брака по древнеиндийским источникам// Вестник волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. №2 (76). С. 156 – 162.
14. Менабде Э.А. Хеттское общество https://oldevrasia.ru/library/E-A-Menabde_KHettское-obshchestvo/31
15. Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях: отрывок из рукописи полковника Неверовского, помещенный в V книжке Военного журнала за 1847 год. СПб., 1847. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Neverovskij_A_A/text2.htm (дата обращения: 14.03.2018)
16. Панцхава И.В. История развития наследственного права <https://superinf.ru/viewhelpstud.php?id=1483>
17. Сулейманов З.М. К вопросу об эволюции системы наказаний в дагестане во второй половине XIX века. народная казнь женщины в селе калаки дагестанской области // Современный ученый. 2018. № 4. С. 26 – 30.
18. Хашаев. Х.М. Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв., 1965. 192 с.
19. Шевцов И. О некоторых аспектах левиратного брака в законе Моисеевом // Ежегодная богословская конференция православного свято-тихоновского гуманитарного университета. 2017. №27 С. 15 – 19.
20. Сывороткина И.Ю. Вопросы частного права на современном этапе развития наследственных правоотношений в уголовно-исполнительной системе // Современная научная мысль. 2017. № 4. С. 306 – 312.
21. Сывороткина И.Ю. Конструкция завещания в законодательной практике России и зарубежных стран // Человек: преступление и наказание. 2010. № 3 (66). С. 118 – 121.

References

1. Aglarov M.A. Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX vv. M., 1988.
2. Adaty Dagestanskoy oblasti i Zakatal'skogo okruga / Pod red. I.YA. Sandrygajlo. Tiflis, 1899. S. 267.

3. Adaty shamhal'stva Tarkovskogo i hanstva Mekhtulinskogo // Pamyatniki obychnogo prava Dagestana XVII-XIX vv.: arhivnye materialy. M., 1965. 279 s.
4. Ajtabaeva ZH.S. Amengerstvo-institut semejnogo prava // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. №1-3 S. 185 – 187.
5. Alekseeva A.A. Tradicionnye formy zaklyucheniya braka u evenov YAkutii // Prirodnye resursy Arktiki i Subarktiki. 2006. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-formy-zaklyucheniya-braka-u-evenov-yakutii> (data obrashcheniya: 04.11.2019)
6. Gadzhieva S.SH. Brak i svadebnye obryady kumykov v XIX – nach. XX v. Moskva: Nauka, 1961.
7. Zakony Manu. M., EKSMO-Press. 2002. 496 s.
8. Dalgat B.K. Obychnoe pravo i rodovoj stroj Dagestana // RF IIAE DFIC RAN. F. 5. Op. 1 D. 1534.
9. Ibn Kasir. Tolkovanie Velikogo Korana (na arabskom yazyke). Hivan, 1983. T. 1.
10. Ismailov M.A. Istoriya gosudarstva i prava Dagestana. Hrestomatiya. Mahachkala: IPC DGU, 2017. CH. I. 330 s.
11. Kovalevskij A.P. Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na volgu v 921-922 gg. Stat'i, perevody i kommentarii. Har'kov, 1956. S. 126.
12. Komarov A.V. Adaty i sudoproizvodstvo po nim. Mahachkala: IPC DGU, 2007. 276 s.
13. Lyashenko E.N. O formah braka po drevneindijskim istochnikam// Vestnik volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2012. №2 (76). S. 156 – 162.
14. Menabde E.A. Hettskoe obshchestvo https://oldevrasia.ru/library/E-A-Menabde_KHettskoe-obshchestvo/31
15. Neverovskij A.A. Kratkij vzglyad na Severnyj i Srednij Dagestan v topograficheskom i statisticheskom ot-nosheniyah: otryvok iz rukopisi polkovnika Neverovskogo, pomeshchennyj v V knizhke Voennogo zhurnala za 1847 god. SPb., 1847. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Neverovskij_A_A/text2.htm (data obrashcheniya: 14.03.2018)
16. Panckhava I.V. Istoriya razvitiya nasledstvennogo prava <https://supe-rinf.ru/viewhelpstud.php?id=1483>
17. Sulejmanov Z.M. K voprosu ob evolyucii sistemy nakazaniy v dagestane vo vtoroj polovine XIX veka. na-rodnyaya kazn' zhenshchiny v sele kalaki dagestanskoj oblasti // Sovremennyy uchenyj. 2018. № 4. S. 26 – 30.
18. Hashaev. H.M. Pamyatniki obychnogo prava Dagestana XVII-XIX vv., 1965. 192 s.
19. Shevcov I. O nekotoryh aspektah leviratnogo braka v zakone Moiseevom // Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya pravoslavnogo svyato-tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. 2017. №27 S. 15 – 19.
20. Syvorotkina I.YU. Voprosy chastnogo prava na sovremennom etape razvitiya nasledstvennyh pravootnoshenij v ugovovno-ispolnitel'noj sisteme // Sovremennaya nauchnaya mysl'. 2017. № 4. S. 306 – 312.
21. Syvorotkina I.YU. Konstrukciya zaveshchaniya v zakonodatel'noj praktike Rossii i zarubezhnyh stran // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2010. № 3 (66). S. 118 – 121.